

Юрий ТЕПЛОВ

СМУТА

Юрий Теплов

Смута

«Издательские решения»

Теплов Ю. Д.

Смута / Ю. Д. Теплов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901866-3

«Он не услышал, как открылась дверь пустовавшей квартиры. Шагнул через порог и тотчас получил удар в челюсть. Перед глазами поплыл белесо-мутный туман. Он понимал, что налетчик копошится в его дипломате, выбрасывает на пол бумаги. «Не там ищет, — вяло подумалось ему». Попытался открыть глаза. Видимо, ему все же удалось разлепить их. Он смутно увидел чужую кисть, вытаскивавшую из кармана диктофон. Она показалась ему желтой и уродливой...»

ISBN 978-5-44-901866-3

© Теплов Ю. Д.
© Издательские решения

Содержание

Секретная структура	6
Большая разборка	16
Следы в никуда	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Смута

Юрий Дмитриевич Теплов

© Юрий Дмитриевич Теплов, 2018

ISBN 978-5-4490-1866-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Смута – это брожение больного государственного механизма. Так на Руси называли период экономического, политического и духовного кризиса. Именно в такой период происходят события, описываемые в этом романе. Они затрагивают время от начала перестройки до конца 20 века.

Роман открывает серию книг, объединенных персонажами – сотрудниками секретной силовой структуры с кодовым названием БД-7. Следующие две книги – «Шахидки» и «Чужие среди чужих». Если кто-то из читателей узнает в героях романа конкретных лиц российской политики, Вооруженных сил, криминального бизнеса и адвокатуры новой формации, заранее заявляю, что сюжет – авторский вымысел. В его основу положены не связанные друг с другом события, освещавшиеся в разное время в прессе.

Жанр романа – историческая проза с детективным сюжетом.

Автор

Секретная структура

1.

Двадцать один год назад маршал, чей портрет красовался в каждой ротной ленкомнате, сказал стоявшему перед ним выпускнику спецкурсов:

– Вы зачислены в БД-7, капитан. Отныне вы Исполнитель воли государства.

БД-7 означало – Белая дача, седьмой участок. За её мирным названием скрывалось самое засекреченное подразделение в стране Советов. Чем оно занималось – не знал никто, кроме нескольких человек государстве.

Но время от времени мир потрясали сообщения о несчастных случаях, происходивших с популярными на западе перебежчиками из Страны Советов, о внезапных государственных переворотах в странах третьего мира. Изредка на местах происшествий находили неопознанные трупы. Кто они – установить не было никакой возможности: ни документов, ни других признаков, которые бы говорили о национальности или хотя бы о принадлежности к стране проживания.

Все Исполнители имели псевдонимы, офицерские звания и тройные должностные оклады, как участники боевых действий. Впрочем, их тайная служба и обязывала действовать по-боевому.

Капитан показал свое умение ориентироваться в любой обстановке. Ему досрочно присвоили два следующих воинских звания. Незадолго до перестройки он получил на погоны третью звезду и стал командиром БД-7.

Псевдоним он заимел не по собственной фантазии. А после того, как вляпался со своими ребятами в заварушку на колумбийской границе. Тогда они сумели захватить у наркодельцов частный самолет. Машина была незнакомой. Он с трудом поднял ее в воздух, ушел от «стингеров» на бреющем и приземлился на Кубинском аэродроме, где базировалась советская эскадрилья. С тех пор и стал Пилотом.

Его заместитель, подполковник, выбрал псевдоним «Белый» сам. В те времена он был черноволос и гладок лицом. Теперь его голову украшала лобная лысина, а лицо походило на печеный блин...

Последний раз Пилот видел куратора БД-7 незадолго до Форроского спектакля, в котором главным действующим лицом был последний генсек Союза по прозвищу Меченый.

Маршал сидел в кресле в рубашке без галстука, что само по себе уже было необычным. Китель с большой звездой на погонах небрежно был брошен на диван. Его хозяин, похоже, прихватил насморк, то и дело вытирал большим белым платком покрасневший нос. Был озабочен, хмур. Говорил с паузами, будто ему тяжело было выталкивать слова:

– Все, Пилот. Вас нет, и не было. Ты и твои люди – пенсионеры союзного значения. Затаитесь и ждите... Если дождетесь... И еще, Пилот. Выбил для вас денежное содержание за год. Получи на всех... За службу спасибо... Свободен!

Через месяц маршал непутево и оттого загадочно ушел из жизни...

Подчиненных Пилот собрал, когда вокруг Белого дома запахло жареным. Решил, что присяга требует их присутствия там, где решается судьба государства. Но быстро понял, что она, судьба государства, мало кого волнует, и что влез он с ребятами в разборку властных группировок.

Их семерка не стала ждать утренней развязки. Пилот знал, что из коллекторной есть вход в карезы. На языке документов они назывались – ПЭС, что означало: подземная эвакуационная система. Она прорезала всю Москву и имела несколько входов и выходов.

В державные времена ее обслуживала целая рота доверенных самокатчиков во главе с майором Жорой Сиротиним. Он назвал эвакуационную систему карезами по аналогии с под-

земными ходами в одной из азиатских стран, где выполнял спецзадание и, вопреки всему, выжил. По двенадцати карезам майор Жора ежедневно отправлял патрульные группы, и раз в квартал занимался проверкой и обновлением контейнеров с неприкосновенным запасом.

Из БД-7 только Пилота посвятили в тайну подземелья. Его гидом был сам майор Жора. Последний, двенадцатый маршрут вывел их на берег Москвы-реки. Перед тем как выбраться на поверхность, майор Жора открыл электронным ключом один из двух вмурованных в каменную стену шкафов. Дверцы раздвинулись с комариным писком. Внутри вспыхнула лампочка, залив светом стеллажи, заставленные консервными банками и коробками с надписями: «сухой паек», «питьевая вода», «аптечка».

Правый, самый узкий отсек был заставлен разнокалиберными бутылками. Майор Жора, вытянув одну из них, прихватил коробку с сухим пайком, закрыл прикосновением ключа дверцы.

– Владей! – протянул ключ Пилоту. – И держи при себе на всякий пожарный. Один шкаф – технический: со снаряжением и боеприпасами, второй – с провиантом.

Они выбрались через люк, обложенный снаружи дерном, и оказались на береговом склоне. Майор Жора подвел его к плоскому валуну, разложил на нем припасы из шкафа НЗ. Отстегнул нож для выживания, достал из противогазовой сумки два металлических стаканчика, сделанных из снарядной гильзы.

– Давай, Пилот, смажем за приобщение...

Через три года, находясь по спешному и дурному приказу в Таллине, Пилот узнал, что майор Жора пустил себе в висок пулю. А электронный ключ понадобился ему впервые в Белом доме.

– Пошли! – скомандовал он в тот вечер «дащикам».

Подчиненные безропотно поднялись и потопали за ним по ступеням вниз. Когда они пробирались по этажам, шальная пуля, выпущенная пьяным «защитником», отчекрыжила Акинолосу палец. Боец не пикнул, не покривился, отстегнул нож и отхватил повисший на коже мизинец. Брызнул на обрубок из медицинского баллончика (их неограниченно выдавали на группу еще в старые времена), замотал носовым платком.

Дверь в карез Пилот обнаружил в самом темном углу подвала. Она открывалась и закрывалась бесшумно. По-комариному пищали только дверцы шкафов. Он нащупал сбоку тумблер, щелкнул. Тусклый свет заполнил накопительный бункер. Лампочка, забранная в стальную сетку, обросла паутиной. Похоже, что человек давно уже сюда не заглядывал.

Пилот усадил подчиненных на лавку. Поднес к еле заметному углублению в дверце одного из шкафов ключ. Запищал комар, и дверцы раздвинулись. Шкаф оказался техническим. И вообще это был не шкаф, а металлический контейнер.

Боеприпасы им не требовались. Первым делом он вытащил засургученный пакет с картой подземелья.

– Принимай, Белый! – стал выкидывать снаряжение: семь облегченных противогазов, семь костюмов ЭЛЬ-ЗМ, семь станковых рюкзаков и три фонаря-прожектора – все это могло пригодиться: кто знает, в каком состоянии оказались брошенные карезы.

С утра у них не было во рту ни крошки. Продовольственный шкаф они опустошали без сожаления. Видимо, с началом перестройки НЗ еще пополнялся со складов гуманитарной помощи: длинные американские банки с колбасой и сосисками соседствовали с немецкими галетами и голландской тушенкой. Среди бутылок Пилот высмотрел бутылки с армянским трехзвездочным. Закрыл шкаф. Объявил:

– По сто пятьдесят. Перекусываем и смываемся...

Тоннельное освещение и вентиляторы не работали. В воздухе устоялась влажная духота. Включили фонари. Их лучи легко пробили подземную темень. Где-то впереди гудели электропоезда.

Они остановились у железнодорожной линии метро. Судя по карте, одиннадцать метров они должны были преодолеть по магистральному тоннелю, открыть ключом заслонку и уходить на северо-запад.

Дождавшись, когда прошел очередной электропоезд, Пилот быстро сделал одиннадцать широких шагов, качнулся вправо и уткнулся в овальную заслонку. Ключ не подвел и в этот раз. После того, как пролетел мимо очередной электропоезд, Пилот дважды мигнул фонарем, и через полминуты все семеро оказались в узкой галерее. Она шла с уклоном, и вскоре под ногами захлюпала вода.

Пилот сориентировался по карте, выбрал из трех боковых ответвлений левое и уверенно шагнул вперед. Замыкающим шел, как и положено, Белый. Вода перестала хлюпать, но пол и стены были сырыми.

В промежуточном бункере Пилот решил сориентироваться еще раз. Он помнил, как майор Жора объяснял ему, что это единственный накопитель, где нет НЗ. По какой-то причине шкафы-контейнеры не стали ставить, но ниши для них устроили. Так и остались пещерные провалы.

Пилот повел фонариком по провалам, и замер. Из глубины провала глядели на него два зеленых глаза. Секундное замешательство прервалось, когда раздался глухой выстрел. Не выдержали нервы у одного из семерки – у Алибабы. Раздался визг, перешедший в утробный вздох. К ногам Пилота свалилась серая тварь размером с небольшую собаку. Алибаба отскочил в сторону. Акинолос перевернул ее ногой.

– Ну и зверюга! Крыса, что ли?

Ему никто не ответил...

Под утро все семеро вылезли через замаскированный люк и оказались в том месте, где когда-то майор Жора поднял гильзовый стаканчик за приобщение.

– Все, дачники! – сказал Пилот перед тем, как разойтись. – У кого есть желание, встречаемся на кордоне через трое суток в 16.00.

Надеялся, что кровавая спайка не даст им разбежаться в разные стороны. Но что ожидать от индивидуала, если даже народы, прошедшие кровавое месиво войны, рванули друг от друга, как настеганные?.. То, что не сумел Гитлер, сделали неумные политики и воры всех мастей. Не сохранилась и их семерка. На кордон явились только Белый и Акинолос. Уже после Пилот узнал, что Кафар умотал в Азербайджан, Алибаба оказался в Туркмении, следы двух других затерялись. Наверняка, тоже где-нибудь востребованы: профессионалы – не грибы в лесу...

2.

Пробездельничал Пилот год. Умотал в тихую Мордовию, где осталась на берегу реки Вад родительская изба и где упокоилась на местном погосте мать.

По местным меркам, был он человеком весьма состоятельным. Водку в сельпо закупал ящиками, игнорируя самодельную косорыловку. Угощал оставшихся не у дел деревенских мужиков. С их помощью поправил покосившуюся родительскую избу, перекрыл прохудившуюся крышу. Покрасил памятник и оградку на могиле матери. Привез из райцентра венки и цветы в горшочках и облагородил кладбищенский материнский приют.

Жить было можно. Спокойно, безбедно и размеренно. Он и жил так. Без газет и телевизора. Миниатюрный японский приемник настроил на музыкальную волну «Ретро» и делал нехитрую домашнюю работу под старые песни. По утрам топил печку и ходил к колодцу за водой. Ставил на озере Имерка сети под лед и раздавал рыбу деревенским бабам. Те в благодарность носили ему молоко, яйца, картошку.

И судачили меж собой: откуда объявился пропавший сын тети Кули – Юрка? Бобыль али женатый? Мужик совсем еще молодой – как ему без женского догляда?.. Подослали к Юрке румяную доярку Райку: хомутай, мол. Пилот от Райки не отказался, мужское естество требовало свое. Но захомутать себя не дал, совместного проживания не позволял. Райка сама захомуталась и ублажала его, как умела...

Весной Пилот захандрил. Не по нему оказалась такая жизнь. Душа требовала действия, ей не хватало каждодневного напряжения и риска. Собрался он в одночасье. Колол для бани дрова и вдруг бросил топор. Зашел в избу. Переоделся. Прихватил документы, деньги. И, не попрощавшись ни с кем, ушел пешком на станцию.

Утром он был в Москве, в нелюбимой своей холостяцкой квартире.

Наверстывая упущенную информацию, трое суток просидел у телевизора. В стране творилось черт те что. Россию мордовали кто как хотел. Это выдавалось за достижение демократии. Неприкрытое казнокрадство преподносилось, как государственная доблесть, и называлась приватизацией. Тем, кому следовало сидеть в камерах, вешали в камеры телевизионные. Поливали грязью армию, спецслужбы и все, чем недавно гордились. Сколько же они – туды их в медь! – хапнули за свои старания! Тридцатью сребрениками тут не обошлось! Каждый день кого-то отстреливали, грабили, брали в заложники... Американские делегации – даже по рожам было видно, что в них люди из Лэнгли – допускались в святая святых: на атомные и космические полигоны, на радиолокационные комплексы, в оборонные НИИ – куда раньше попасть было невозможно даже с допуском к особо секретным документам.

Окончательно вывело Пилота из себя заявление Президента: берите суверенитета, сколько проглотите! Это была труба, в которую вслед за Союзом могла пролететь и Россия. Бывший майор, ставший кавказским генералом-наместником, сдвинув пилоточку набекрень, вещал об этом самом суверенитете, как о манне небесной, ниспосланной Аллахом. Будто дьявол вылез из преисподней и устроил вселенский шабаш. Ведьмы и ведьмаки скакали вокруг королевского престола, на котором восседал самоуверенный русский мужик с Урала.

К исходу третьих суток Пилот вдруг увидел на экране знакомую физиономию. То был его сокурсник по высшей школе, но в милицейской форме. А на погонах поблескивали две шитых звезды. Ни хрена себе рост – до генерал-лейтенанта! Хотя в курсантах ничем особым не выделялся, разве что душевно исполнял хохлацкие песни. Теперь вот, оказывается, главный борец с организованной преступностью.

На вопросы усатенького телеведущего борец отвечал довольно толково. Рассказал, как его подчиненные обезвредили банду рэкетиоров, обиравших водителей-дальнобойщиков на подступах к Москве. К месту вспомнил Жеглова из фильма и его фразу – Бандит должен сидеть в тюрьме!

Тут только Пилот вспомнил его имя и фамилию: Миша Кличко. Утром Пилот позвонил дежурному по МВД. Тот нудно стал выпрашивать, кто таков и по какому поводу хочет связаться с генералом. Но номера телефона не дал. Пообещал доложить о звонке и передать номер телефона абонента.

Звякнул генерал-однокашник в обеденный перерыв:

- Рад тебя слышать, бродяга! Прошел слух, что тебя шлепнули в какой-то горячей точке.
- Слух сильно преувеличен, Мишаня.
- Значит, долго будешь жить... Ты не против, Юр, снять стресс в приличном заведении?
- Во-первых, поздравляю тебя с двумя звездами! – погладил его по голенищу Пилот. –

И надеюсь, что это еще не вечер.

- Ха! Полдень! Ну, что, пообщаемся?
- Пообщаемся.
- Значит, сегодня. В девятнадцать ноль-ноль. В Доме журналистов годится?
- Туда же только газетчиков пускают.

– Отстал от жизни, Юрок. Всех пускают, у кого бабки есть. Потом не забывай о моей должности – любая дверь открыта...

Кличко прибыл на черной «Волге» с мигалкой и антенной. Был в генеральской форме с пятью рядами наградных колодок. Швейцар встретил его с поклоном и Пилота не обделил почтением. Мэтр проводил их в отдельный кабинет, где уже был накрыт на двоих стол.

Пили коньяк. Закусывали семгой с лимоном.

– Неужели тебя на пенсию отправили? – спросил Кличко.

– Отправили, Миша.

– Пойдешь ко мне? На убойный? Те же три звезды для начала, те же льготы. На раз оформим!

– Воздержусь пока. Разберусь, что вокруг творится.

– Наше дело простое и четкое, как оплеуха: бандит должен сидеть в тюрьме.

– И сажаете?

– Сажаем, Юрок. И будем сажать, – он заметно пьянел, с каждой новой рюмкой становился резче и увереннее. Даже значимее. – Вот-вот, Юрок, начнутся разборки между курносими и зверьками. Тут нам и карты в руки.

– Кто такие зверьки и курносые?

– Зверьки – черные с Кавказа. Всю Москву заполонили. Главварь у них чеченец по кличке Сэм, закончил Плехановку, работал клерком в торговом представительстве в Штатах. Его подручный полный беспредельщик, клейма негде ставить, погоняло – Дарьял. Есть еще Рубик из Кутаиси... Курносые – тоже уголовники. Но свои, доморощенные. Кличка пахана – Туз.

– Что же вы их не возьмете? Есть же СОБРы, ОМОНы?

– Взять-то можно. Только не за что. Сами рук не марают, нигде не засвечиваются... Так-то вот, Юрок... Ну, давай еще по одной!

Выпили, закусили. Заказали еще бутылку. В голове у Пилота провернулись не утратившие смазки мозговые шестеренки. Забрехала смутная идея. Ее стоило осмыслить и закольцевать.

– Вам координаты Сэма, Дарьяла, Туза известны?

– Всё известно: и адреса, и телефоны. Но сейчас не старые времена. Возьмем – в дерьме окажемся. Придется отпускать и извиняться. Иначе адвокаты и пресса с говном смешают: нарушили права человека. А вот когда начнут друг друга мочить – мы их с поличным. И потянем за цепочку.

– Ты можешь мне дать телефоны главарей?

– Зачем? – тот, хоть и прилично опьянел, но насторожился.

– Есть мыслишка. Обмозгую и приду к тебе с готовой идеей.

– Идей, Юрок, хватает. Нет толковых исполнителей. Своей команды нет у меня, потому и сватаю тебя... Телефоны, говоришь?.. – Он достал из внутреннего кармана кителя тонкий, как фанерка, сотовик в коже.

– Записывай!

– Запомню.

– Забудешь по пьяни... Ну да хрен с тобой, запоминай...

Они трапезничали еще не меньше часу. Разговор закрутился вокруг извечного женского, тем более что их обслуживала длинноногая, узкобедрая блондинка с кукольным лицом. Пилот поддерживал трёп автоматически. Идея в голове уже оформилась и звучала, как задание: ввязаться в разборку курносых и зверьков. Поддерживая одних, валить без жалости других. Чем меньше их останется, тем легче станет дышать. Довод ему казался чистым и убойным, как спирт-ректификат...

На другой день Пилот позвонил Тузу.

– Здравствуй, Туз!

– Ты – кто? – ответил абонент сиплым голосом.

– Нужный тебе кадр. Хочешь увидаться – назначь встречу.

– Может, и нужный, коли мой номерок срисовал. Я твой – тоже, – и отключился.

Встречу ему назначили в корейском ресторанчике.

Небольшой зал был опрятен и пуст. Старый кореец с поклонами провел его в отдельную кабину. Там сидел бледнолицый, с голым, как бильярдный шар, черепом и глубоко посаженными черными глазами мужик, упакованный в строгий английский костюм.

– Я хочу видеть хозяина, – сказал Пилот.

– А я не похож на хозяина?

– Вы похожи на его юриста.

– Угадали. Кто вы такой?

– Мне нужен Туз.

Шторка отодвинулась, в кабину протиснулись двое в распахнутых кожанках. Пилот сразу засек, что один, с головкой, похожей на большую пробку от флакона, держал в объемном кармане ствол. Второй зашел за спину, ошмонал, доложил:

– Пустой.

Пилот не взял бы в «семерку» ни того, ни другого. Он мог бы вырубить обоих, толкнув стол на Черепа, но нужды в этом пока не было. Он лишь произнес:

– Невежливо.

– Береженого Бог бережет, – откликнулся Череп.

«Кожаные» вытиснулись из кабины, и появился Туз. Был он худ, сутул и сед, с провалившимися щеками и чутким, кривоватым носом.

– Ну, лепи, чем ты мне нужный, – хрипло произнес Туз, усаживаясь напротив.

– Пусть юрист выйдет.

– У нас секретов нет.

– У меня есть.

Туз показал кивком на выход. Череп с достоинством удалился.

– Лепи! – повторил. – Из какой ты конторы?

Светить «Белую дачу» было нельзя, хотя она уже приказала долго жить. Пилот еще до встречи решил сослаться на всем известную «Альф», которую расформировали за отказ штурмовать Белый дом.

– Про «Альф» слышали?

– Крутая контора.

– Я из этой организации, остался без работы. Могу помочь в разборке со «зверьками».

Откинувшись, Туз долго и внимательно его разглядывал. Наконец, спросил:

– Какое звание имел?

– Полковник.

– Полкаш, значит.

– Не Полкаш, а Пилот.

– С самолетами имел дело?

– Приходилось.

– Что еще умеешь?

– Всё умею.

– Теперь колись, кто тебя ко мне подослал?

– Сам пришел.

– А мой номерок кто тебе дал?

– Менты. Кто конкретно, не скажу.

– Проверю. Жди маляву либо гроб...

Через полторы недели Пилот возглавил службу безопасности коммерческого банка, где председателем правления был Череп, а Туз – одним из учредителей и фактическим хозяином. Отыскал по старым адресам Белого и Акинолоса, маявшихся в Москве от безделья. Предложил работать вместе. Они восприняли предложение, как очередное задание: ни колебаний, ни сомнений – готовность номер один.

Поселили бывших Исполнителей воли государства в казарме зенитно-ракетного дивизиона, расформированного в годы перестройки. Военный городок

на окраине Москвы оказался бесхозным. Туз взял его у властей в бессрочную аренду и перестроил его по своему усмотрению. Казарма превратилась в усадебный дом с комфортабельными квартирами. Челядь, то бишь боевики Туза, располагалась здесь же, на базе, но в другом здании...

Сэма Акинолос снял во время пикника. Дарьяла завалил, когда тот выходил в окружении телохранителей из кафе «Терек». Рубик получил свою свинцовую порцию от Белого во время разборки с коптевскими. Никто из них не понял, что киллер стрелял с дерева в пятистах метрах. Кровь потребовала крови, и обе группировки принялись мочить друг друга...

Туз потирал руки, отстегивал премиальные и философствовал за бутылкой:

– Наши законы, Пилот, надежнее. Потому ты к нам и прибился.

– Не идеализируйте свою организацию, – возразил ему как-то Пилот. – Вы тоже откусываете кусок от государственного пирога.

– Ну, ты даешь, Пилот! А еще умным считаешься!.. Мы стрижем тех, кто государство ограбил и грабит. Работяг не трогаем. У нас каждый в общак в клюве несет. А государство свои налоги собрать не может.

– Вы в своем внутреннем государстве – король. Вам незачем оглядываться, что скажут за бугром. Не мешало бы и президенту кое-чему поучиться у вас. Его ведь тоже короновали на царство демократические бояре.

Туз хмыкнул. Помолчав, добавил, будто подтвердил сказанное Пилотом:

– Если бы мы правили государством, нищих бы не было, мы бы им на подогрев отстегивали... Ну, дернем, чтобы дети грома не боялись и... до старости стоял!

– Откройте секрет, шеф, – проговорил Пилот. – Каким образом вы проверили, что я не подосланный казачок?

– Секретов от тебя теперь нету. Ты с нами кровью повязанный. В ментовке и проверили. Есть там один начальник. Сливают мне на ушко, что знает.

– Не бесплатно?

– Само собой.

В голове Пилота мелькнул Мишаня Кличко. Не он ли сливает информацию? Впрочем, начальников с генеральскими погонами в МВД хватает...

Бандитские разборки были для бывших белодачников, ровно хлеб с маслом в голодный год. Пилот организовывал ликвидацию авторитетов в уверенности, что делает полезную работу. Однако понимал, что это, хоть и болезненные для криминалитета, но все равно лишь укусы. Свято место пусто не бывает. На место Сэма сел Зураб. И все же Пилот был доволен тем разбродом, что возникал после ликвидации главаря. Даже когда пахан объявил отстрел конкурентов из «курносых», возражения у бывшего полковника это не вызвало.

Заноза скребанула Пилота по сердцу, когда в разборки влезла политика в лице советника президента по прозвищу Красавчик. Больше того, через неделю Туз сказал Пилоту:

– Вычитал я в одном журнале про жука-шпиона. Можно запустить жука к любому окну и слушать, о чем в помещении базарят. Сможешь раздобыть?

– Не знаю.

– Узнай. И раздобудь за любые бабки.

- Кого вы собрались подслушивать?
- Соседа из резиденции... Он самый, авторитет у галстучных отморожков.

Многое было дадено от рождения Тузу. Выучить бы в свое время будущего пахана, думал Пилот, определить на государеву службу – умный ведь мужик, с царем в голове. Министром бы уж точно стал, если не выше. Создал же свою нелегальную империю. А теперь вот до президента решил добраться. Это уже не просто политика, а большая политика.

Пилот, мягко говоря, недолюбливал президента. Однако играть в политические игры ему совсем не хотелось. Но деваться было некуда.

Пару таких слушачей он приобрел в одном из бедствовавших оборонных НИИ.

2.

Первый опыт съема информации оказался неудачным.

Пилот и Белый изучали новинку под названием «Слухач» еще в бурсе. И даже использовали его на практике. Однако в этот раз что-то не заладилось. На экране появлялась и пропадала белая метель, а в наушниках звучали хрипы и шипение. Похоже, шпионская наука за последние годы шагнула вперед. Аппаратура стала вдвое компактнее и сложнее. Им с Белым не хватило навыков и знаний.

На следующий день Пилот позвонил ученому-полковнику, через которого и раздобыл хитрого жука.

- Не работает, туды его в медь! – сообщил.
- Мозги у вас не работают, – отпарировал тот.
- Найди кого-нибудь с мозгами и не болтливую.
- Есть у меня один старлей. Шаман в этом деле. Куда и когда прислать?
- Сегодня в 18.00 заберу его у вашей проходной.
- Надеюсь, ты ему заплатишь за труды? Парень жениться собирается.
- Не беспокойся, не обижу...

Старлей не походил на шамана. В китайских джинсах и кроссовках, в синей ветровке с капюшоном, он выглядел вечным студентом.

– Я в вашем распоряжении, – доложил. И через затянувшуюся паузу неуверенно добавил: – За сто долларов.

«Как же дешево ты ценишь свои мозги, шаман, – подумал Пилот, – Совсем замордовали офицеров». Спросил его:

- За настройку, консультацию и обучение?
- Так точно... В крайнем случае, за восемьдесят.

Пилот привез старлея в свою усадьбную квартиру на базе. Белый был уже там. Сидел с мышкой за монитором, шарил в Интернете. На втором столе, занявшем площадь вдоль глухой стены, была расставлена аппаратура «Слухача».

– Приступайте, – велел старлею Пилот.

Тот потер ладони с длинными ломкими пальцами. Достал из брезентовой сумки черный плоский чемодан. Покрутил колесико кодового замка, щелкнул зажимами и располовинил чемодан, словно развалил вдоль хлебную буханку. За малое время справился с множеством проводов и проводков – все их загнал в гнезда на панели управления.

– Садитесь за экран, – предложил Пилоту. – Наденьте наушники. Видите, на желтом плато клавиши и два регулятора настройки?

В первых моделях «слухача» желтого плато не было.

– Нажмите зеленую клавишу, – инструктировал старший лейтенант бывшего полковника. – Блокиратор отключен. Включайте и выбирайте объект из предложенных имитатором... Теперь нажмите «пуск»... Вот он, «слухач», метка в правом нижнем углу...

– Достаточно, – остановил старлея Пилот. – Далее сам. Если что не так, тормозните.

Все было как надо. Информация снималась видовая и слуховая. Но то – с имитатора объектов. А как поведет себя аппаратура в полевых условиях?

– Садись, Белый, – уступил Пилот место напарнику.

Старлей начал было объяснения по новому кругу, но Белый остановил его жестом. В качестве объекта выбрал ратушу, напомнившую ему Дрезден. В наушниках слышалась немецкая речь... Когда закончил считывать информацию, услышал растерянный голос шамана-электронщика:

– Вы же сами все знаете!

Видимо, засомневался в том, что получит запрошенные 100 или 80 долларов.

– Свой гонорар вы отработаете, – успокоил его Пилот.

– Что я должен сделать?

– Внизу стоит кунг в камуфляже. На нем надпись «Продукты на дом». Установите в нем оборудование и подготовьте к работе. В 21.00 совершим загородную прогулку... Устраивает?

– Так точно.

К резиденции президента подъезжать не стали. С интервалом в пятнадцать минут ее обходили парные патрули из службы безопасности. Припарковали фургон на засыпанном щебенкой пятачке.

– Какой объект? – спросил шаманивший с аппаратурой старлей.

– Сам выведу, – ответил ему Пилот. – За пульт сядете, если произойдет сбой.

Рабочие апартаменты президента были на втором этаже. «Слухач» завис у одного окна, у второго, у третьего. Кроме белой метели на экране и треска в наушниках, ничего не было. Пришлось уступить вращающееся кресло старлею. Тот пробежался длинными пальцами по панельной клавиатуре.

– Система защиты самого высокого класса, – сообщил. – Ограду, помимо телевизионных установок, контролирует инфракрасный луч.

Пилот знал и саму систему, и то, как ее нейтрализовать. В оборонном НИИ, не в том, где служил старлей – в другом, был разработан компактный приборчик, фиксирующий частоту луча и вырабатывающий на этой частоте свой, точно такой же. Прыгай через ограду – никакой тревоги не будет.

– Что с окнами? – спросил он старлея.

– Все под надежной защитой. Есть! – вдруг воскликнул он. – Три окна на верхнем этаже чистые.

Там находилась спальня дочери президента. Принцесса тоже была напичкана дворцовыми тайнами. Пожалуй, даже в большей степени, чем отец.

Пилот тронул старлея за плечо, показывая, чтобы тот уступил место.

– Цель в зоне захвата, – буднично доложил сидевший в кресле дублера Белый. – Слышимость – норма.

Пилот надел наушники.

– ...Ты мне душу не травми, Столбович, – прозвучал в наушниках женский голос. – Кто тебе нужен? Я или президент?

– Тома! – с укоризной ответил мужчина. – И спросить у тебя ничего нельзя!

– Я сама скажу, когда отец решит с преемником. Пока сомневается.

– Между прочим, я тоже не уверен в Стрельце.

– Зато Березович уверен. Значит, просчитал варианты.

– Ты даже не знаешь, Том, сколько раз он прокалывался.

– Зато имеет нюх на деньги.

– Но не на людей. Он даже дурака Красавчика прочил в преемники.

– Ненашина не трогай, Столбович.

– Сердечко екает?

- Не делай вид, что ревнуешь.
 - Но ты продолжаешь встречаться с ним.
 - Встречаюсь по делу.
 - Разве с ним можно иметь дела? Он свою партию уже отыграл...
- Ничего интересного Пилот больше не услышал, так, женские штучки-дрючки.
- Сворачиваемся! – приказал.
- Когда «Слухача» загнали в «гараж», старлей не удержался, спросил:
- Чья это крепость была?
 - Не грузи себя проблемами, – буркнул в ответ Белый. – Меньше знаешь – дольше живешь.

Пилот сгладил его намек:

- Крепость принадлежит плохим людям. Фамилии вам знать не обязательно.
- Да я просто так... Защиту профессионал ставил.
- Вы тоже профессионал, старший лейтенант. Ваши мозги и знания стоят дороже, чем вы их оцениваете... Белый, выдай ему за труд во благо России.

Старлей обалдело глядел на десять столлларовых купюр, оказавшихся в его руках. Даже лишился на какое-то время дара речи. Наконец, голос прорезался:

- Это что? Все мне?
 - Тебе, тебе, – усмехнулся Белый.
 - Вот что, шаман Деев, – произнес Пилот, – пойдешь к нам работать?
- Тот недоуменно оглядел обоих. Хотел о чем-то спросить, но не решился.
- Зарплата, как сейчас получил, – подсказал Пилот, – и премии.
 - Пойду.
 - Но с армией придется распрощаться. Возможно, что временно.
 - Согласен.
 - Что ты заешь об аппаратуре, чтобы взломать самую сложную защиту?
 - Есть такая. Даже в нашем НИИ. Ею хакеры пользуются.
 - Напиши на бумажке, как она называется...

Прослушав запись, Туз некоторое время переваривал информацию. Сунул свой кривоватый нос в распечатку, будто вынюхивал что-то недосказанное.

– Туфта это, Пилот. Блефует Принцесса. Этот питерский Стрелец не тот кадр, чтобы всю империю заграбастать. И так высоко взлетел. Да и президенту не с руки отдавать власть раньше срока...

Большая разборка

1.

Норковое манто сползло с плеча Соловьевой. Отвисшие щеки подрагивали в такт словам. И подрагивали арбузные груди. Адвокат глядел на нее, расплывшуюся, намакияженную, с блеклыми глазами-бусинами, утонувшими в глазницах – глядел и не мог взять в толк: как же ей удалось оболванить многие тысячи людей.

– Я за своё отвечу, – сказала Соловьева, сглатывая окончания слов. – Да, жила, как королевишна. С артистами тусовалась. И сама жила, и другим жить давала. А все одно – крошки перепали. Куски бугры расхватывали! Всех заложу!

– У вас нет никаких доказательств, Валентина Федоровна.

– Есть!

– Почему же вы не хотите представить их следователю?

– Ха! Все они заодно. И ты с ними, господин хороший!

– Моя фамилия – Уханов. Для вас я – Борис Аркадьевич.

– А мне без разницы. Ополчились на бабу – крайнюю нашли! Да ихний начальник сам у меня процентами кормился! – «Проценты» она произнесла с ударением на первом слоге. – А ваш Красавчик меня на даче прятал, когда в розыск объявили. Он и паспорт с турецкой визой выправил. Да видно, что-то не так сделал, захомутали в аэропорту.

Из-за Красавчика по фамилии Ненашин адвокат и добился свидания с Соловьевой.

Ненашин был советником президента и, по слухам, постельным дружком его дочери. Дружка долбали и правые, и левые. Думцы то и дело выдергивали советника для объяснений. Особенно доставалось ему за связь с финансовой пирамидой «Мальвина», которой рулила мадам Соловьева. Он от нее отрекся. Даже перед своим адвокатом заврался.

Однако адвокат нутром чуял, что «Мальвина» обирала дураков с благословения советника. И если у Соловьевой есть какие-либо доказательства, они рано или поздно попадут в руки следователей. Тогда суд, и проигранный процесс. Проигрывать он не собирался, просто не мог этого допустить. Лопнула бы репутация, которую он взращивал правдами и неправдами.

Опасные улики требовалось нейтрализовать, потому он сам решил пообщаться с Соловьевой, что было совсем непросто: Лефортовская тюрьма считалась неприступной для посторонних. Но универсальная долларовая отмычка и тут помогла открыть железные двери...

– Ваши слова, Валентина Федоровна, – вкрадчиво сказал он, – можно квалифицировать как оговор.

– Не держите меня за дуру! Мои доказательства на бумаге. Записочки, самолично им написанные: тому – столько-то наличными отгрузить, другому – столько зелеными... В надежном месте мои доказательства! Где – скажу только на суде. А если что со мной случится, подруга знает, куда их передать. Приедет в Москву и передаст. Я за это ей хорошие бабки отвалила...

По ее щекам вдруг поползли крупные слезы. Манто свалилось на пол.

– Пускай Красавчик вытаскивает меня отсюда! Не то – хуже будет! Так и передай господину советнику!..

Уже стемнело, когда проходная Лефортовского каземата вытолкнула адвоката на улицу. Шофер Миша ждал его на улице Солдатской.

Они ехали по сверкающей огнями Тверской. На «Пушке», у «Макдоналдса», проходил ежевечерний развод проституток. В милицеских кругах поговаривали, что и Соловьева начала свою карьеру на Пушке. Сегодня она открыто занималась шантажом. Рассчитывала, что адвокат передаст ее угрозы бывшему покровителю. Надеялась, что тот вытащит из-за решетки. Скорее уж подтолкнет, чем вытащит.

Кое-что он все же узнал. Записки действительно существуют, хотя клиент и не признался в том. Какой бы хитроумной Соловьева себя не выказывала, а информацию выложила. И отнюдь не намеренно, а по бабскому недомыслию. Записок в Москве явно нет. Всего скорее они у кого-то из прежних подруг в Тверской губернии. Придется бородатому сыскаря Степке Вовочкину простерстить ее лихославльских знакомых.

С Вовочкиным они приятельствовали еще с Магадана. Там все знали адвоката под родной фамилией – Кузнецов. А в Москве знают только знакомые. Уханов тоже фамилия не чужая, досталась от предков.

– Шеф, нас пасут, – вдруг сказал шофер Миша. – Серый «Вольво» на хвосте. Я еще у «Пушки» засек.

На Садовом кольце было светло, как днем. Вглядываясь в зеркало, Кузнецов попытался определить «пастуха».

– Сбавь скорость, Михаил.

Миша нахально перестроился в правый ряд, сбросил скорость до сорока. Тут Кузнецов и разглядел «Вольво».

Он терпеть не мог, когда что-то не понимал. Что за преследователи? Откуда взялись? Не клиент же их послал!.. Или кому-то он перебежал дорожку?

– Отрываться? – спросил Миша.

– Попробуй.

Тот набрал скорость и через пару минут резко крутанул вправо. В переулке было темно, как в дымогарной трубе. Миша вырубил свет и, не доезжая до освещенного перекрестка, въехал в какой-то двор как раз в тот момент, когда сзади полоснули фары. Кузнецову показалось, что заехали в тупик. Но Миша, бывший таксист, знал московские улицы, как собственную ладонь. Впритирку проскочил между гаражами, выехал в проулок. Еще дважды уходил вправо, пока не выскочил снова на Садовое кольцо. Теперь «Вольво» болтался где-то впереди.

Кому и что понадобилось? Информация? У следователя ее всегда больше. Тактика защиты на вероятном процессе? Она интересна только прокуратуре. Или это те, молодые и наглые, что три дня назад появились на исходе дня в его офисе? Пропуск накануне им никто не заказывал, но они как-то миновали кордон вневедомственной охраны.

– Борис Аркадьевич, – сказал один, с голым черепом. – Есть конфиденциальный разговор.

Клиенты почти всегда начинали с просьбы о конфиденциальности.

– Лиля, попейте чайку в комнате отдыха, – выводил Кузнецов секретаршу. Сам же незаметно нажал кнопку, вмонтированную в столешницу. В соседней комнате включилась записывающая аппаратура.

– У нас к вам деловое предложение, – сказал Череп-пустыня.

– Слушаю.

– Вы – юридический консультант советника президента. И красиво уводите его от ответственности. Мы даже знаем, что в кабинете зама генерального прокурора вы ухитрились проглотить небольшой документ и подсунуть другой.

Был такой случай, еще по первому делу об урожайных чеках. Тогда прокурор отвлекся на звонок. Кузнецов изъял подписанное клиентом распоряжение, а в дело вложил такой же, но с датой годичной давности, что в корне меняло ситуацию...

– Нас интересует все, что вы знаете о его делах, – продолжал Череп, – и в частности, о связях с «Мальвиной». Информация будет хорошо оплачена.

К деньгам Кузнецов относился очень даже уважительно. Они давали независимость и комфорт – то, чего не хватало ему во времена, когда все были равны и похожи друг на друга, словно серые мыши. Тогда мозги были дешевыми, как кефир, а информация, какой бы важной она ни была, вообще ничего не стоила.

Первые шальные деньги Кузнецов получил, когда защитил в Королевском суде Великобритании скандально известного русского бизнесмена Артема Золотова. Тот и в Англии ухитрился делать деньги из воздуха. Освободившись от обвинения, гроссмейстер черной экономики отстегнул адвокату по-купечески: и на джип, и на элитные хоромы с евроремонтом. Позже Кузнецов сообразил, что продешевил, запросив в качестве гонорара несусветную, как поначалу казалось, сумму. Клиент заплатил бы и вдвое больше, и ничуть не обеднел бы при этом.

Опыт подсказывал адвокату, что от человека с головой-черепом сильно тянет не только деньгами, но и опасностью.

- Кого вы представляете? – спросил Кузнецов, чтобы выиграть время.
- Пока это не имеет значения. Назовите сумму, которая вас устраивает.
- Молодой человек, как вы думаете, во что превратится довольно-таки преуспевающий адвокат, если он станет торговать интересами своих клиентов?
- Не клиентов, Борис Аркадьевич, а одного-единственного клиента.
- А моя репутация? Клиенты станут шарахаться от меня.
- Клиентуру мы вам обеспечим.
- И как отнесетесь к тому, что я стану продавать ее секреты?
- Подловили, Борис Аркадьевич! Мы с вами мыслим одинаково.
- Совсем не уверен. До свидания.
- Упертый базарил! – вмешался спутник Черепа, с квадратными плечами и с маленькой головой-пробкой.

Тот взглядом заставил его умолкнуть. Произнес со смутной улыбкой:

– Мне очень жаль, Борис Аркадьевич...

После их ухода Кузнецов отключил аппаратуру. Прослушивать запись не было необходимости. Разговор много времени не занял и отложился в памяти.

Заинтересоваться советником президента могла и правая, и левая оппозиция. Либо третья сила, остающаяся до поры до времени в тени. Очень даже мог проявить заинтересованность и криминальный мир. В последние годы Кузнецов довольно часто общался с его представителями. Платили они, не торгуясь. Защищать их было сложно. Но прокурорские чиновники, привыкшие к застойной вседозволенности, подставлялись сами, сплошь и рядом нарушая процессуальный кодекс.

Кузнецов давно понял, что криминальным миром заправляют не дураки. Они быстро усвоили новые правила игры, создали свою властную вертикаль, так бездумно разрушенную новой государственной властью. Застойный «гоп-стоп» сменился уголовщиной цивилизованной, с офисами, собственными службами безопасности и отлаженной компьютерной сетью. Всех, кто стоял на дороге, покупали или убивали. На адвокатов не покушались. С адвокатами дружили. «Вольво» на хвосте никак не походил на проявление дружеских чувств...

На Большой Дорогомиловской Миша развернулся, лихо зарулил под арку и притерся к подъезду. Дом напоминал букву «Г». Оба отростка буквы продолжал ажурный металлический забор с шипами наверху, образуя просторный закрытый двор с липовым сквером в центре. Жизнь теплилась лишь у подъездов.

Завершал мобильный. На связь вышел бородатый сыскарь Вовочка.

- Ты где, Борис? – спросил.
- Во дворе своего дома. А ты, Вовочка, где?
- Возле кольцевой. У меня непонятки.
- С банкиршей?
- С ней. Кто-то нас рисует.
- Сумеешь кинуть без проблем рисовальщика?
- Кинуть сумею. Насчет «без проблем» – как получится.

– Постарайся. И сразу ко мне.

Непонятки для Вовочки, то бишь для частного сыскаря Степана Вовочкина, начались сразу после того, как он, измочаленный до звонкости, вышел из коттеджа юной вдовы-банкирши. Три месяца назад ее кривоногого и пузатенького мужа взорвали в шестисотом «мерсе» вместе с охранниками, и к бедной вдовушке повадились барабашки. Для избавления от такого кошмара она и наняла детектива.

Договор на охрану заключила на месяц и платила каждую пятидневку из расчета триста долларов за сутки.

У Вовочкина было круглое, губастое и курносое лицо деревенского мужичка. Потому Кузнецов и называл его Вовочкой. Он еще в Магадане посоветовал ему отпустить бороду для солидности, что он и сделал. Лицо удлинилось, солидности добавилось, а обманчивое простодушие осталось. Бугры бицепсов скрывала тогда ментовская форма с двумя звездочками на погонах. Теперь они маскировались под неброским, но весьма недешевым костюмом спортивного покроя...

Вышел он сегодня на перильчатое крыльцо коттеджа, обежал взглядом двор с усадьбой. Увидел приткнувшийся к соседскому забору «Пежо» цвета «металлик». Чем-то не понравился ему автомобиль. В нем явно кто-то находился, но кто – разглядеть за тонированными стеклами было невозможно.

Вовочка постоял, дожидаясь вдовицу Елену. Она выплыла из окантованных медью дверей, ухоженная, упакованная в розовую кожу и свеженькая, ровно бы и не было бессонных суток.

– Не крути головой, – сказал ей Вовочкин. – Обними меня и погляди на машину у деревянного забора. Тебе знаком этот металлик?

– Первый раз вижу, а что?

– Давай ключи от гаража. Выезжай первой и в объезд. Я погляжу, как будет себя вести «Пежо». Через минуту выеду за тобой.

– Как интере-есно! – воскликнула она и сунула ему в руки ключи

Она выехала на двухместном «Ягуаре». Секунд через двадцать заурчал мотор «Пежо», машина лихо скакнула вслед за вдовушкой и скрылась за поворотом. Вовочка вывел из гаража свой боевой «Москвич» и направил его между домами к асфальтированному шоссе. Его подопечная ехала, не торопясь, беспечно удерживая руль одной рукой. «Пежо» то приближался вплотную к «Ягуару», то оказывался метрах в трехстах позади.

Вовочкин уже не сомневался, что вдовушка кого-то заинтересовала. Кого? И с какой стати?.. Всего скорее, примитивных грабителей, решивших поживиться за ее счет. А поживиться было чем: побрякушками с брюликами она была увешана, как новогодняя елка. Крупной наличности при себе, правда, не держала, предпочитала банковские кредитные карты. Вот и сегодня сказала Вовочке:

– Баксы в Башкредитбанке на Арбате. Заедем – огонорарю...

Вовочка держался от подозрительной машины на приличном расстоянии. Маршрут Елены знал, потому пропустил вперед себя еще и «Газель». Он даже испытывал удовлетворение, что стал наконец-то заниматься своим делом. До сегодняшнего вечера вся забота о подопечной сводилась к изнурительному сексу. А в перерывах терпел ее постоянные «милашка», «очаровашка» – так и казалось, что она вот-вот назовет его «какашка».

Наконец, что-то прорезалось. Может, и в самом деле за ней следят? Может, по ночам шастают живые, а не придуманные барабашки?..

Пожалуй, Вовочке повезло, что в Москве пути его и Кузнецова снова пересеклись. Магадан, где они приятельствовали с адвокатом, – это молодость и куча глупостей. Там опер Степан Вовочкин ухитрился размотать такой икряной клубок, что вызвал сильное негодование началь-

ства. И своего, ментовского, и обкомовского. И вроде бы даже министерского. Подсказок он слушать не захотел. Пер напролом, пока не уткнулся лбом в стену. Дела на главных фигурантов «икряного цеха» сгорели при случайном пожаре. На скамью подсудимых попал лишь могучий бородатый рыбак с библейским именем Авраам. Вовочка попросил Кузнецова взять на себя его защиту. Рыбак ничем не помог адвокату. На все вопросы отвечал одной фразой:

– Все в руке Божьей.

Но Кузнецов все равно развалил обвинение: запутал свидетелей так, что они стали противоречить один другому. Прокурор упрекал Кузнецова в нарушении адвокатской этики, но подделать ничего не мог. Год условно Аврааму и на доследование – в отношении других обвиняемых. Такой приговор не могли простить ни оперу, ни адвокату.

Первого поперли из милиции за превышение служебных полномочий и не санкционированное применение табельного оружия. Второго исключили из магаданской коллегии адвокатов «за нарушение этических норм». Вовочкин свалил добровольцем в Афганистан. После вывода войск осел в Москве, за которую чуть раньше зацепился и Кузнецов. Так и оказались оба колымских изгнанника в столице.

Перестройка и последовавший за ней всероссийский бардак не дали им утонуть в омуте многомиллионного города. В мутной воде всегда много корма. Частным детективам тоже хватает...

Все три машины между тем добрались до Нового Арбата. Юная вдова лихо зарулила в проулок, чтобы подъехать к банку с тыла. За ней – «Пежо».

Вовочка припарковал свой «Москвич» прямо на проспекте и направился размеренным шагом во двор. Он был небольшим и весь заставлен транспортом. Елена оставила свою спортивную таратайку, заехав на тротуар. «Пежо» стоял метрах в десяти впереди. Из него вывалился квадратный, похожий на флакон мужичок. За ним шофер. Оба направились к «Ягуару». Шофер, подойдя к водительской дверце, сманипулировал руками. Похоже, отключил сигнализацию и направился к своей машине. Флакон юркнул в салон «Ягуара».

«Угонщики», – решил было Вовочкин. Однако непонятки крутнулись на новый оборот. Он услышал щелчок автомобильной дверцы. Из «Пежо» выскочил водила. Подбежал к «Ягуару». Распахнув дверцу, громко прокудахтал:

– Флакон! Тебя Полкаш требует! Сказал, если через двадцать минут не нарисуемся в бункере, уши сбреет...

2.

Флакон переминался с ноги на ногу, шаря глазами по белой стене. На Полкаша, сидевшего за массивным дубовым столом, не взглядывал.

– За кем следили? С какой целью? – спросил тихо тот, но в голове Флакона голос его отозвался, как удар в рельсу.

Говорили, что Полкаш может дать по мозгам гипнозом. Как удав кролику... А заточенной монетой с трех метров ухо отхватить. Глист трепался, что уже трое без ушей по Москве шастают.

– Я это..., – промямлил Флакон. – К телке ехал. В натуре.

– А банкирша Елена при чем?

«Про банкиршу узнал! – ахнул Флакон».

– Ну? – подстегнул тот. – Только не врать, Мухоморов!

Флакон вздрогнул, услышав свою фамилию. Он уже давно отвык от нее, еще с первой ходки к хозяину. Отзывался на кликуху и ничего обидного в ней не находил.

– Брюликов на ней навалом, – выдавил из себя. – И зелень намылилась снять.

– Выкладывайте по порядку!

Спотыкаясь на каждом слове, боясь соврать, Флакон выложил все, как было.

- Что за человек был в ее коттедже? – не удовлетворился его рассказом удав.
- Хахаль. Обжимались на крыльце.
- Как он выглядел?
- Фраер с бородой. Хлипкий.
- Куда он делся?
- В доме остался. Она одна поехала. Мы с Глистом до банка ее вели.
- Дурак вы, Мухоморов! – Флакон опять вздрогнул. – Он сидел у вас на хвосте. И номер вашей машины засек.
- Так мы... Тачку у одного лоха... Он в Турцию поканал...
- Вбейте себе в голову: никакой самодеятельности, если не хотите остаться без ушей.
- «Уши» добились Флакона, даже голос у него сел:
- Я в самодеятельность того... и на зоне в хор не ходил.
- Хозяин бункера глянул на него, будто плюнул на макушку.
- Вам все понятно?
- Дык я... век воли не видать!
- У меня вам воли не будет... Вон с глаз моих!..

Оставшись один, хозяин кабинета-бункера нажал кнопку селектора.

– Зайди, Белый.

Бесшумно распахнулись незаметная постороннему глазу дверь. К столу шагнул и уселся в кресло друг и соратник. Разница в их возрасте и званиях давно стерлась. Как осталась в прошлом и государева служба. Но субординация и привычка называть друг друга псевдонимами сохранились.

– Вот что, Белый. Перехваченный разговор Козырного с каким-то Вовочкой настораживает. Возьми-ка его, на всякий случай, под колпак.

– Без проблем, – слово «проблемы» было самым ходовым в лексиконе Белого.

– Кстати, как вдова реагировала на смерть мужа?

Белый еле заметно усмехнулся:

– Как птичка, вырвавшаяся из клетки.

– Н-да... Ее татарин был из отморозков. Шестерых заасфальтировал, пока вылез в банкиры. Удивляюсь я, Белый, тому, что недоучки банкирами становятся.

– Наш Туз – тоже из недоучек.

– Не скажи. Туз самообразовался. И не отморозок он, а самородок. Сто очков форы даст любому нынешнему министру.

– Оба они уголовники, – пробурчал Белый.

– Не спорю, – вздохнул Пилот. – Бандитов и мошенников хватает. И при должностях, и в малинах.

– Что там Флакон натворил?

– Грабануть банкиршу захотел, туды его в медь! Хорошо, что звонок ее кавалера перехватили. У Акинолоса пока тихо?

– Не торопится домой адвокат. Во дворе торчит...

3.

Кузнецов продолжал сидеть в джипе. Что хотел увидеть и чего дожидался – не знал и сам. Шофер Миша дважды демонстративно взглядывал на часы. Шеф не замечал его терзаний.

Вдоль подъездов проползла черная «Волга» с внучкой давно ушедшего в мир иной уса- того маршала-конника. Дом был предназначен для старо-советской элиты, которую активно вытесняли новорусские демократы. У соседнего подъезда мягко урчал «мерс» Ненашина. Советника президента охраняли два дюжих караульщика. Один сидел в машине у открытой

дверцы, другой топтался на асфальте. Ждали, видно, хозяина. По его делам и встречался сегодня Кузнецов с мадам Соловьевой.

Квартиру в этом доме адвокат купил год назад на деньги попавшего в Лондоне в руки правосудия русского бизнесмена Артема Золотова. В своих новых хоробах он и встретился впервые с советником.

Тот позвонил поздним вечером:

– Я много любопытного слышал о вас, – проговорил. – Мне нужна ваша помощь. Приглашаю на завтра к девяти ноль-ноль в мой кремлевский кабинет.

Кто кому нужен? Кто проситель?..

Но и ехать советнику Президента в частный офис, где пропускная система и нежданная очередь, тоже не с руки.

– Не могу – занят на процессе, – соврал Кузнецов. – Вы можете заглянуть ко мне в любой день после восьми вечера. В одном доме живем.

Похоже, Ненашин не ожидал такого поворота. Спросил через паузу:

– Сегодня не поздно?

– Жду вас...

Не понравился Кузнецову этот красавчик. Высокий, ухоженный и розовый, словно розовое мыло, он вещал с телеэкрана в манере рубахи-парня. Сказывалась школа, которую прошел когда-то под патронажем нынешнего президента.

Советник появился в квартиру с охранниками.

– Пусть подождут на лестничной площадке, – предложил Кузнецов на правах хозяина.

Тот поколебался, но скомандовал им убираться. Адвокат провел важного гостя в кабинет. Ненашин водрузил на письменный стол бутылку исчезнувшего с развалом Союза армянского коньяка «Ахтамар»:

– Я не пью, – отказался Кузнецов. – Давайте к делу.

– Если вы сумели вытащить из дерьма такого жулика, как Артем Золотов, то мне и подавно сможете помочь. Сумму гонорара определите сами.

Кузнецов без стеснения оценил свои адвокатские услуги. Советник согласно кивнул. Впрочем, Кузнецов согласился бы представлять его интересы и за меньший гонорар. Защищая Ненашина, он защищал президента. Любой другой президент вполне мог лишиться его богатой клиентуры...

У крайнего чердачного окна стояли Он и Она. Рядом, на захлапленном полу, было расстелено не первой свежести одеяло с кожаной курткой в изголовье. Чердак – тоже укрытие для любви, если нет более приличных условий. Но заниматься любовью, судя по всему, парочка не торопилась. Он держал в руках портативную рацию и через прибор ночного видения, в котором, в общем-то, и не было особой нужды, разглядывал двор. Переключил тумблер, поднес ко рту микрофон:

– Козырной сидит в машине. Прием.

– Слышу. Сигналь, как выйдет, – ответил абонент и отключился.

– Ты хоть его видел? – спросила подруга.

– Кого?

– Того, с кем говорил.

– Не. Знаю, что его кликуха – Боец.

Девушка дотронулась до плеча парня, шепнула:

– Два часа уже торчим тут. Может, поплаваем разок? – кивнула на расстеленное одеяло.

– Ну, ты, Лерка, даёшь! Упустим клиента, мне башку открутят. Вот свалим и оттянемся.

– Где?

– У тебя.

Она была внучкой народной артистки, жила с ней в этом доме и надеялась, что скоро станет единоличной хозяйкой шикарной квартиры.

- Старуха опять бренчать будет, – скривилась девица Лерка.
- Не. Светиться не в жилу. Старуха побренчит, да и удохнется.
- А если клиент долго ждать будет?
- Терпи!..

Два автомобиля по-прежнему торчали впрытик к дому: правительственный «мерс» с охранниками и «джип» Козырного. Из дальнего подъезда вышла тетка с собакой. Отпустила с поводка возле лип. Минут через десять увела своего пуделя. Правительственный мерс тоже нырнул через освещенную арку в улицу.

Минуту спустя и Козырной вылез из машины, стоял у открытой дверцы и базарил с водилой. Наконец, отпустил его и направился к подъезду.

Парень на чердаке торопливо нажал кнопку рации: «Козырной заходит в подъезд». Подхватил свою куртку с одеяла.

– Смываемся к бабке. Да не забудь ключ Бойца из-под половика потом забрать, он через ваш люк спустится...

Адвокат и не догадывался, что у него кличка – Козырной Он привычно набрал подъездный код, шагнул в просторный вестибюль. Пожилая сухонькая лифтерша, вдова известного режиссера и бывшая балерина, равнодушно и заученно улыбнулась. Нажала кнопку четвертого этажа. На его лестничной площадке было всего две квартиры. Одна пустовала. Месяц назад ее освободил спившийся сынок застрелившегося члена ЦК разогнанной партии и съехал вместе с подругой в Подмоскowie. А новый хозяин еще не объявился.

Дверной запор был с секретом.

Чтобы трижды повернуть ключ с фигурной бородкой, надо дважды наполовину вытянуть его, повернуть назад на пол-оборота и протолкнуть до упора. Кузнецов еще не освоился с ним как следует, приходилось какое-то время ковыряться в замке.

Он не услышал, как бесшумно открылась дверь пустовавшей соседней квартиры. В тот момент, когда шагнул через порог, ощутил сзади чье-то присутствие. Повернул голову. И тотчас получил удар в челюсть. Перед глазами поплыл белесо-мутный туман. Сквозь него пробила мысль: сейчас упаду. Но ему не дали упасть. Высокий человек подхватил его под мышки, затащил в комнату и осторожно прикрыл дверь.

Белесый туман в глазах исчез. На Кузнецова навалились сумерки. Но сознание, ватное и вязкое, продолжало жить. Кузнецов понимал, что налетчик копошится в его дипломате, выбрасывает на пол бумаги. «Не там ищет, – вяло и отвлеченно подумалось ему, – деньги в пиджаке». Тот будто услышал его мысль, зашарил по карманам. Кузнецов попытался открыть глаза. Веки были тяжелыми, ровно придавленные подушкой. Видимо, ему все же удалось разлепить их. Он смутно увидел чужую кисть, вытаскивавшую из кармана диктофон. Она показала ему безжизненно-желтой и уродливой.

Высокий человек уложил в целлофановый пакет диктофон и блокнот, бумажник адвоката сунул в карман. Подобрал валявшуюся на полу связку ключей. Перешагнув через хозяйина, уверенно прошел в его кабинет. Там перелистал настольный календарь, вырвал несколько листков. Больше на столе ничего не было. Шагнул к книжным полкам. Быстро перебрал папки. Открыл ту, на которой было написано: «Ненашин Ф. К.». Тоже сунул в пакет.

И по-рысьи насторожился. Запикал домофон, и на пульте замигала лампочка. Кто-то пытался связаться с хозяином.

Он торопливо вышел из кабинета, хотел закрыть квартиру. Вставил в замочную скважину ключ, провернул. Однако дверь оставалась незапертой, а ключ застопорился. Вытащить его

смог лишь наполовину. Снизу послышался голос вахтерши-балерины: что-то и кому-то она невнятно объясняла. Налетчик торопливо скрылся за дверью соседней квартиры...

Сыскарь Вовочка не стал ждать, когда лифтерша-одуванчик досеменит до лифта и поднимет его на четвертый этаж. Взбежал вверх, прыгая через ступеньки. В дверях квартиры Кузнецова торчал ключ. Он рванул дверь и сразу увидел своего приятеля.

Тот лежал на боку, левая половина лица была одним большим кровоподтеком. Дышал редко и хрипло, будто глотал воздух порциями.

Вовочка распахнул шире дверь, чтобы видеть лестничный пролет – налетчик вниз не спускался, мог притаиться наверху. Потянув резинку, высвободил трофейный «Макаров», нетабельный и незарегистрированный, вывезенный под звуки оркестра из Афгана. Пистолет он носил на кубинский манер – под штаниной – не так заметно и не обязательно надевать пиджак. Передернул затвор, загоняя патрон в ствол. Сунул в карман. На всякий случай дернул соседскую дверь – она оказалась запертой, как и в предыдущие дни. Затем вызвал по мобильному скорую и милицию. Прокричал балерине-одуванчику, чтобы поднялась на четвертый.

– На Кузнецова напали, – сказал он ей.

– Никого посторонних... Клянусь вам...

Вовочка прервал ее:

– Подъедут скорая и милиция. Откроете им. Я буду наверху, – достал пистолет.

Увидев оружие, балерина тоненько взвизгнула. И замолкла.

Вовочкин впритирку к стене стал подниматься по лестнице. Дом был семиэтажным. На верхней площадке пожарную чердачную лестницу загораживал старинный шкаф с оторванными дверцами. Изловчившись, он вскарабкался под потолок. Замок на люке болтался на одной петле. Крышка отошла бесшумно. Чердак плавал в сумеречных тенях, свет от уличных фонарей косо падал в слуховые окна.

Сыскарь не стал таиться. Рывком перебежал к вентиляционной трубе, от нее – к выступу боковой балки и дальше – к торцевым стропилам. Чердак заворачивал под прямым углом. Выскочил из-за укрытия, готовый на любой шорох сделать кульбит и открыть огонь. Но все было тихо.

Двинулся в самый конец, проверяя окна. Они были заколочены. Перед поворотом ровно бы что-то изменилось в воздухе. Запах пыли перебивал слабый аромат французских духов. Он надышался этой дрянью у вдовушки. Рядом с окном было брошено на пол ватное одеяло. Вокруг валялись семь окурков, два – с явно свежими колесиками губной помады. Похоже, совсем недавно тут отдыхала парочка.

Как она могла попасть сюда? Бомзам путь отрезали кодовые замки и вахтеры с лифтерами...

Перед тем, как вернуться в квартиру Кузнецова, протер носовым платком свой «ПМ» и возле люка затолкал его в расселину между досками.

В квартире уже хозяйничала милиция, и суетились санитары с врачихой. Уложили Кузнецова на носилки. Вовочка заметил, как приоткрылся у него правый глаз. Глаз закрылся и снова открылся.

– Вы мешаете, гражданин! – сказала, тесня сыскаря, пожилая врачиха.

– В какую больницу вы его повезете?

– В Склиф... Отойдите, прошу.

Оперативниками распорядился подполковник милиции, тяжелый, как бочка с пивом, губастый, с глазами навывкате. Возле него вертелся сержант с рацией. Еще один, в штатском, обшаривал квартиру. Вовочкин заметил, как он, порывшись в шкапулке, сунул что-то в карман.

– Эй-ей! – крикнул он ему. – Верните вещь!

Тот вопросительно глянул на подполковника.

– Вы не имеете права рыться в вещах потерпевшего, – сказал Вовочкин подполковнику. –

Осмотр места происшествия – это не обыск.

– А это еще что за бородатый? – вроде бы удивился подполковник.

– Я друг потерпевшего.

– Как здесь оказался?

– Пришел в гости.

– Кто впустил?

– Лифтерша. Хозяин по домофону не отвечал, хотя должен быть дома.

– Ваши документы!

Вовочкин достал удостоверение частного детектива. Подполковник раскрыл его и скривился, как от зубной боли. Уставился лупастыми глазами:

– Значит, говоришь, в гости явился?

– Я с вами к девкам не ходил, прошу на «вы».

– Ах, ты, сявка навозная! На «вы», значит? Свалил, как крыса, со службы, а мы за тебя говно разгребай!.. Сержант, обыщи этого балконного топтуна!

Вовочка сам выложил на стол содержимое карманов. Подполковник покрутил сработанную под пистолет зажигалку, бросил со стуком на стол. Вытряхнул содержимое бумажника и сразу ухватился за стодолларовые ассигнации. Это был пятисуточный гонорар от банковской вдовы за избавление от ночных кошмаров.

Пиджачники-оперативники сноровисто ощупали его, не забыв про голени. Вовремя он избавился от «Макарова». А по-хорошему бы и избавляться не надо. Всё эти поганцы – народные избранники: выкинули из закона «Об оружии» статью, разрешающую частному детективу ношение пистолета.

– Где же твоя пушка, топтун? – недовольно спросил подполковник. – Лифтерша ее видела!

– Она видела вон ту зажигалку, – показал на стол.

– Не бреши, сучий потрох! Была у тебя пушка!

– Будет, когда получу разрешение.

– Накося! – состроил тот кукиш. – Баб пасти – рогаткой обойдешься!.. Откуда доллары? – он сделал ударение на предпоследнем слоге.

– Заработал.

– Кошкин, ты когда-нибудь видел доллары?

– Никак нет, – откликнулся сержант.

– На, погляди, – протянул ему купюры.

Сержант взял банкноты двумя пальцами, ощупал, понюхал.

– Фальшивые! – выкрикнул, и деньги будто растворились в его руках.

– На экспертизу! – распорядился подполковник. Резко обернулся к Вовочке: – Чем доволен, топтун? Ну!

Сыскарь понимал, что его провоцируют. Сдерживал себя из последних сил. В голову покатались горячие волны, словно он пропустил удар на ринге. В такие минуты он когда-то сжимался и зацикливался на одном: поймать противника на апперкот. И ловил. А сейчас нельзя, хотя противник вот он, мясистый и открытый со всех сторон. Сейчас важнее выпроводить этих праворазрушителей. И сразу в больницу: выяснить, что и как с Кузнецовым, устроить его комфортнее.

– Ну? Чем не доволен? – приблизился вплотную подполковник.

– Всем доволен, – ответил Вовочка. – Надеюсь, что валюту вернут после экспертизы?

– Валюту-у?! – удивленно вытаращился тот. – Какую валюту?.. Кошкин, ты видел в этом доме валюту?

- Никак нет, – отрапортовал сержант.
- И я не видел. И никто не видел. Тебе, топтун, везде валюта мерещится...

На больничной койке Кузнецову полегчало. Руки-ноги двигались. Шея, хоть и болела, но голову он мог поворачивать. Левый глаз слипся, а правым видел. Возле него сидела врач. Она намазала его лицо чем-то холодным.

- Легче? – спросила.
- Кузнецов кивнул.
- Денька через три-четыре опухоль спадет.
- Что у меня? – слова ему давались с трудом, но говорить было можно.
- Перелом челюсти.
- Надолго я к вам?
- На две с половиной недели. Подремонтируем, и хоть орехи грызите.
- Палата была трехместной. Две койки пустовали.
- Те кровати не заняты? – спросил он.
- Ваши соседи смотрят в холле мыльную оперу.
- В палату заглянула нянечка:
- Надежда Васильевна, вас к телефону.
- Она вышла. Но вскоре вернулась.
- Оказывается, вы – большой человек, Кузнецов. Велено перевести вас в люкс...

Частный детектив Вовочкин задержался у окна регистратуры, выпросил все, что необходимо. Палата находилась на втором этаже. У сестры-хозяйки просмотрел опись вещей Кузнецова. Постовая медсестра объяснила, что посещение больного только с разрешения врача.

И он направился в ординаторскую.

- Почему в верхней одежде? – строго спросила врача.
- Я насчет Кузнецова. Как он?
- Кто вы ему?
- Друг. Меня зовут Степан. А вас?
- У вашего друга сотрясение мозга и челюстная травма. Теперь удалитесь!
- Не могу.
- Что значит «не могу»?
- Мне надо его повидать.
- Опухоль спадет – и выдайтесь! Жену уведомили о случившемся?
- Нет у него жены. Дорогая, ну разрешите заглянуть к нему!
- Я вам не дорогая, а врач.
- Мне сказали, что он в трехместной палате. Переведите его в одноместную, я оплачу.
- Уже перевели. И не в одноместную, а в люкс.
- Кто оплатил? В его конторе еще не знают, что он у вас.
- Мне известно лишь, что деньги внесены наличными за все время лечения. Хорошо, друг Степан, приходите завтра во второй половине дня. Разрешу вам короткое свидание...

«Чудные вещи творятся на этом свете, – размышлял частный сыскарь Степан Вовочкин, возвращаясь из больницы. – Незнакомый доброхот оплачивает люкс... Менты отбирают бабки, как гоп-стопники... Незнамо кто колотит мужика в собственной квартире... Бардак, да и только!»

Он возвращался на квартиру друга, чтобы забрать пистолет и самому провести рекогносцировку на предмет похищенного. Ключ от квартиры забрал, закрыв дверь после ухода мен-тов. То, что унесли диктофон и кассеты, он уже знал. Их не было ни в дипломате Кузнецова,

ни в больничной описи личных вещей. Деньги он держал в томе речей Плевако, рабочие документы – в папках на полке.

Впустила его та же балерина-одуванчик. Увидев, шарахнулась, как от прокаженного. На лифте поднимала, прижавшись в угол и сжавшись в комочек.

В квартире был нормальный холостяцкий беспорядок. Менты, прикарманив гонорар банкирши, поопасались больше пакостить.

Вовочкин достал с полки том Плевако: в нем спокойно лежали двадцать стодолларовых купюр и четырнадцать пятаков российских. В шкатулку сыскарь не стал заглядывать, он понятия не имел, что там хранилось. Папки на нижней полке лежали вразброс, а раньше стояли на полке.

Он перебрал их. Досье советника президента исчезло... Дело запахло политикой, где игра шла без всяких правил.

4.

На отшибе от резиденции Президента стоял скромный, по сравнению с другими, двухэтажный особняк. И обнесен он был не кирпичным или бетонным забором, а высокой, гибкой и непрозрачной сеткой. Стоило ее потянуть, как по внутреннему периметру мчались волкодавы.

В этом доме, у горящего камина, сидели двое.

– Включай, Пилот, приборчик, – сказал хозяин.

Через минуту из диктофона послышался сипловатый женский голос:

– ... записочки, самолично им написанные... Если что со мной случится, подруга знает, куда их передать. Приедет в Москву и передаст...

– Где подруга живет?

– Всего скорее, в Лихославле. Там до Москвы Соловьева жила.

– Я ведь тоже из Лихославля, Пилот. Клиентка-то моя землячка. Пацанов сей же час – в Лихославль. Пушай прочешут родню и всех знакомых триндуч землячки.

– Белый и еще трое в готовности.

– Есть у меня там малина, Пилот. Пустует. Хозяйствует в ней косоглазый Юла. Белый с бойцами пушай там и тормозят. Флакон знает адрес.

– Шеф! Завязывайте с жаргоном. Вы теперь не пахан и не Туз, а бизнесмен.

– Ну – ну, Пилот. Шибко ты умный. А все одно – не лезь! Знаю, где и какую масть держать.

Он не надолго замолчал, обдумывал что-то по привычке. Затем сказал:

– Хвост с Красавчика сыми – и так будет наш. Акинолос на ферме?

– Вместе с дамой.

– Отправь его к макаронникам. Луиджи бойца просит. Его семейку бочкуют, как селедок.

– Своей пехоты нет, что ли?

– Засвеченная. А нам грех не помочь забугорному братану. Не за так, за четвертинку берега. Через пару лет она будет нам в самую жилу... Как там, у начальников кличут запасной схрон?

– ЗКП. Запасной командный пункт.

– Вот и у нас будет ЗКП. Все, Пилот. Ищите бумаги. Только без кипиша и мокрухи.

Нужды мотаться самому в Тверскую губернию для Пилота не было – там рулит братками Белый. Но захотелось прошвырнуться, сменить обстановку.

В Лихославль он ехал в пакостном настроении. В душе будто поселились кошки. Эти твари гадили в душу уже второй месяц, с того дня, как стали пасти Красавчика. Опять сволочная политика, а ведь дал зарок после Белого дома не лезть в это дерьмо. А оно само вылезает из всех щелей...

«Малину» Туза в Лихославле Пилот нашел легко. Это был просторный дом с дворовыми постройками. Стоял он на самой окраине города. Ворота ему открыл косоглазый мужичок, которого хозяин назвал Юлой.

Двор был большим, надежно упакованным в два забора. Высокий дощатый шел по внешнему периметру. Мелкосетчатый, на острых арматурных кольях – по внутреннему. На задворках крепенько сидел в земле приземистый кирпичный сарай с окошками-бойницами. Пилот подумал, удобное место для сходов и тайных встреч.

В самом углу двора желтела просторная баня, рубленая из липы. На базе у Туза была еще одна парилка, персональная. Намерзшийся в молодости на северах, он любил горячий пар с вениками. На субботние банные дни он даже посылал в Лихославль машину за парильщиком Юлой. Тогда Пилот и видел его мельком.

На крыльце появился Белый. Подождал друга-начальника, и они вместе прошли в дом. Центральное место в горнице занимал овальный стол с шестью стульями.

– Все в порядке? – поинтересовался Пилот.

– Школьной учительнице Соловьевой представился сотрудником собес. Она назвала четверых, с кем Мадам дружила. Одна утонула шесть лет назад. Вторая живет рядом с пенсионеркой – алкашка. Третья выехала в Тверь – проверили: бедует с четырьмя ребятишками в коммуналке, муж сидит... Последняя из четырех осела в деревне Бухалово. Туда выехали Рыбак, Флакон и Глистогинов.

В дверь робко постучали.

– Входи! – рыкнул Белый.

Юла прошел к столу, расставил тарелки с солеными груздями, огурцами, помидорами, ломтями ноздреватого деревенского хлеба. Достал из холодильника две бутылки «кристалловской» и два граненых стопаря.

– Есть борщ по-вашему, котлеты с жареной картошкой, – доложил. – В момент сварганю яишницу с салом. Или чего другого?

– Неси, что есть...

Белый наполовинил стаканы.

– Давай вмажем за нашу обглоданную Россию, – предложил Пилот.

Вмазали. Закусили.

– Между первой и второй только пуля, – сказал Белый.

– Ну, и что ты сделал, как сотрудник собес? – спросил Пилот.

– Вручил бабуле от собес материальную помощь – тысячу рублей. Отвез на вокзал и купил билет до Тюмени, чтобы навести дочь и внуков.

– Правильно.

– Кстати, возле ее дома Флакон засек бородастого мужика. Глотал возле столба пиво из бутылки. Похоже, тот самый, банкиршин кавалер. Но он быстро слинял.

– Что у Рыбака?

– На связь выходил час назад. Объект обнаружен. Жду к исходу суток...

Опрокинули еще по одной. Под горячее – третью. Выпили, молча и не чокаясь. Каждому было, кого помянуть из тех, что остались в чужой земле.

– Надоело всё, Пилот, – угрюмо проговорил Белый.

Была и у Пилота мысль бросить эти игры, когда стали пасти Красавчика. А дальше что? Останутся они с другом никому не нужные, как перекасти-поле. Тут какую-никакую, а пользу приносят. Убирают мерзавцев с благословения Туза. Красавчик тоже мерзавец. А убрать – не получится. Ну, заполучим улики. И что? Их надо отдать Тузу. Тот станет держать Красавчика на крючке. И доить. По-разному можно доить чиновника, приближенного к президенту... Кто в выигрыше – козе понятно.

Можно, конечно, снять с записок копии. И кому их отдать? Генералу-однокашнику всучить? Пилот вспомнил, как позвонил Кличко.

– Я устроился на работу, Миша.

– Знаю.

– Осуждаешь?

– Понимаю.

– Что понимаешь?

– Рыба ищет, где глубже. Разбогатеешь – не забывай старых друзей. Всегда рад пообщаться...

По всем канонам, главный борец с организованной преступностью не должен был даже разговаривать с предателем. А тут нате: «рад пообщаться»!

Еще один раз вышел Пилот на связь с генералом. Сообщил ему о предстоящей разборке солнцевских и азеров. Ждал, что омоновцы возьмут карьер в плотное кольцо и подметут всех под гребенку. Не дождался. Бывший сослуживец не отреагировал на оперативную информацию. Солнцевские уехали с разборки победителями.

Скурвился генерал. Всего скорее, он и сливал информацию Тузу. Не звонил больше Пилот сокурснику. Хлебали мутное варево вдвоем с Белым. И успокаивали себя тем, что, хоть и провоняли дерьмом, а загрязненную конюшню помалу чистят...

Следы в никуда

1.

Во второй половине дня сыскарь Вовочка поехал в Склиф. Врачиха уже сменилась с дежурства, но отработывала дневную смену.

Она милостиво разрешила провести больного.

Одна половина лица Кузнецова была багрово-синей, но глаз приоткрылся. Другой глаз глядел с угрюмой обидой, но в целом – нормально.

– Привет, болезный! – поздоровался Вовочкин. – Докладываю: бабки по-прежнему у Плевако. Папку Ненашина и диктофон с кассетами уперли. Значит, дело в Советнике.

Кузнецов согласно мотнул головой.

– Боюсь, что продает тебя кто-то, Борис. Кому известно, что досье советника хранишь дома? Я позвонил Наталье Марковне. Она сказала, что на заявке фамилии визитеров вписаны другим почерком. В бюро пропусков телефон внутренний. Делать тебе сейчас нечего, потасуй-ка своих на предмет крапленой дамы.

Тот кивнул и прошепелявил:

– Вовочка, тебе срочно надо в Лихославль. Записки Советника хранятся у кого-то из подруг Соловьевой.

– Понял.

– Выясни, где она жила до Москвы. С кем дружила. Раздобудь записки.

– Постараюсь.

Сыскарь Степан Вовочкин опоздал с поездкой в Лихославль на сутки. Те самые сутки, в которые он мотался между квартирой Кузнецова и больницей. Ему пришлось идти по следам опередивших его братков. Лихославльский адрес школьной учительницы Соловьевой он вычислил без проблем. Она назвала одну из подруг, жившую в доме напротив. Та оказалась алкашкой.

Узрев бутылку водки и хлебнув для поправки здоровья, объявила, что подругой жадины Соловьиных себя не считает. В подругах у Соловьиных Зойка, такая же шалавая, как и сама. Бросила мать и укатила в деревню Бухалово в бабкин дом.

Покинув алкашку, сыскарь наткнулся на братков. У дома учительницы-пенсионерки ошивался тот самый тип, что забрался в «Ягуар» банкирши Елены. Он запомнил, что шофер тогда назвал его Флаконом. Джип с водилой стоял рядом. Похоже, они ждали кого-то. Изображая из себя пьяницу, Вовочкин хлебал из бутылки пиво и наблюдал за домом учительницы. Через какое-то с крыльца спустился мужчина с военной выправкой и морщинистым лицом. Флакон что-то сказал ему и ткнул пятерней на Вовочкина. Сыскарь решил линять с этого поля, которое запросто могло превратиться в тир...

2.

В Бухалово сыскарь появился, когда в доме подруги Соловьевой – Зойки шла гульба. У распахнутых ворот стоял джип-череки с худосочным водилой, опять же знакомым Вовочке, – это он тогда сидел за рулем «Пежо». Из окон вылетали пьяные голоса, изображавшие песню. Скрипучий и надтреснутый мужской голос выводил:

Хоп-на! Зоя!

Кому дала ты стоя?

– Начальнику конвоя,

Не выходя из строя...

Женщина взвизгивала дискантом, подхватывала концовку и заливалась хохотом. Вовочка понял, что и здесь делать ему уже нечего.

На деревню опустились сумерки, и он, не скрываясь, пошел вдоль улицы. Это было его ошибкой. Скосил глаза и увидел, как за ним торопливо топает Флакон. Следом семенил водила. Вовочкин нырнул в первую попавшуюся калитку, проскочил двор, перемахнул плетень и очутился в огороде.

Взрыхленная земля была пустой и голой, лишь кое-где торчали будылья подсолнухов. Сразу за огородом начинался луг. Невысокие копны смотрелись в сумерках, словно бронеколпаки на китайской границе, где он служил срочную. Луг примыкал к подлеску, там наверняка не было посторонних глаз.

Флакон не прятался. Бежал следом по-слоновьи, топая армейскими ботинками. Перед тем, как нырнуть в кустарник, сыскарь обернулся. Преследователь на бегу задрал пиджак, достал из-за пояса ствол. Вовочка метнулся в кусты, сразу взял вправо, где подлесок был выше и гуще. Пробежал метров двести, увидел вывороченную давним ветровалою сосну с могучими растопыренными корнями и поблизости – штабелёк бревен.

Шуршание кустов стихло. Вовочка пристроился за штабелем, нащупал суковатую палку, швырнул ее в сосновые корни. Стал слышен слабый треск сучьев под ногами. Он увидел, как Флакон появился среди деревьев, повел головкой, высматривая беглеца. В одной руке он держал наган, в другой – заточку. Обнаружил вывороченный сосновый корень, сделал несколько шагов.

– Вали сюда, козел! – прокричал уверенно и скрипуче. – Оглох?.. Выдь по хэрэ, дырывать не буду! Отведу, побазарим и по холодку!.. Глист! – вдруг заорал он.

Не получив ответа, стал сторожко пододвигаться к выворотню. Метрах в семи-восьми остановился и оказался спиной к Вовочкину.

Неожиданно закуковала кукушка, Флакон завертел головкой. Сыскаря будто подбросило пружиной. Еще не успев опуститься на ноги, он обрушил ребро ладони на его загривок. Тот булькнул горлом и рухнул лицом на корни.

Вовочка знал, что вырубил его не меньше, чем на четверть часа. Этого времени вполне хватало, чтобы добраться до своего москвича. Но где-то в кустах был еще один и, всего скорее, тоже со стволом. Потому он ползком перебрался в травяные заросли.

Ждать второго пришлось довольно долго. Не торопился Глист. Может, за подмогой вернулся? Наконец, он появился на поляне. В руках у него ничего не было, кроме толстой гнилой палки. Увидев лежащего приятеля, засеменил к нему. Наклонился, испустил вопль и заткнулся. Несколько секунд стоял, онемев. Затем развернулся и со всех ног бросился в сторону деревни.

Вовочка, не таясь, подошел к Флакону. С левой стороны из-под него ползло кровавое пятно. Падая, он наткнулся на собственную заточку. Ясно было и без врача, что падать ему никогда больше не придется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.